

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
Центр истории частной жизни и
повседневности

**ОТ ТЕКСТА К РЕАЛЬНОСТИ:
(НЕ)ВОЗМОЖНОСТИ
ИСТОРИЧЕСКИХ
РЕКОНСТРУКЦИЙ**

Сборник статей
под редакцией
О.И. Тогоевой,
И.Н. Данилевского

Москва
2012

УДК 94
ББК 63.3
О 80

*Сборник подготовлен при финансовой поддержке РГНФ
(грант № 10-01-00426а)*

Рецензенты:

кандидат исторических наук А.В.Шарова
кандидат исторических наук Г.А.Попова

От текста к реальности: (Не)возможности исторических реконструкций. Сборник статей / Под ред. О.И.Тогоевой, И.Н.Данилевского. - М., ИВИ РАН, 2012 - 218 стр.
ISBN 978-5-94067-370-5

Сборник статей посвящен исследованию особенностей индивидуального творческого процесса применительно к эпохе Средневековья и раннего Нового времени: проблеме конструирования реальности на основании имеющихся в распоряжении историков текстов источников, верифицируемости полученных результатов, сознательного или неосознанного участия авторов, переписчиков, иллюстраторов текстов в создании «исторической действительности», в ее трансформации в соответствии с различными причинами.

В оформлении обложки использована гравюра Питера Брейгеля-старшего «Осел в школе» 1556 г. (фрагмент).

ISBN 978-5-94067-370-5

© Коллектив авторов, 2012
© Институт всеобщей истории РАН, 2012

И.Н. Данилевский
(НИУ ВШЭ, ИВИ РАН)

Исторические реконструкции: методологические ограничения

Пределы познания прошлого в значительной степени ограничены, во-первых, тем, насколько точно были определены информационные возможности исторических источников, которыми пользуются историки, и, во-вторых, тем, насколько адекватны и корректны подходы и методы работы с ретроспективной информацией. Не в последнюю очередь от этого зависит, будут ли наши представления соответствовать тому, что реально происходило в прошлом.

Широко бытует мнение, что объектом исторического исследования является историческая реальность¹. Между тем, в предыдущем столетии историческая наука, благодаря психологическому и лингвистическому «поворотам», казалось бы, навсегда избавилась от этой иллюзии. Поначалу такая «утрата» объекта исследования представлялась многим чуть ли не концом исторической науки и окончательным превращением ее в беллетристику. Впоследствии стало ясно: историки просто уточнили свои представления о том, что на самом деле является объектом их изучения. Тем не менее, как легко убедиться, многие вполне квалифицированные специалисты до сих пор полагают, что события и процессы, завершившиеся в прошлом, доступны изучению в качестве объекта.

Видимо, неосознанно происходит подмена двух

¹Ср.: «Объектом исторического исследования выступает общество в прошлом» (Мазур Л.Н. Методы исторического исследования. 2-е изд. Екатеринбург, 2010. С. 55). Обратим внимание на то, что само понятие объекта исторического исследования здесь не *определяется*, а *называется*, в то время как для предмета исследования определение дается: «Это те свойства, стороны объекта, которые подлежат изучению» (Там же. С. 56).

близких, но не совпадающих понятий: объектом познания историков по-прежнему является прошлое, в то время как объектом их исследования оно быть не может. Разрыв между этими сущностями довольно велик. Чтобы познать историю, ее сначала надо восстановить, реконструировать. Прошлого уже нет. По остаткам и следам, оставленным им, мы можем лишь приблизительно представить себе, «как это было на самом деле». Единственная реальность, с которой историк имеет дело непосредственно, - исторические источники, тексты², донесшие ретроспективную информацию. То, что происходило на самом деле, неизбежно отличается (порой радикально) от того, что и как отображается в историческом источнике. При всем желании человек не в состоянии объективно описать происходящее - даже (или особенно!) если он принимает в этом событии непосредственное участие или является его свидетелем (очевидцем). В связи с этим возникают вопросы: возможно ли при таких условиях познание прошлого? и если возможно, то как?

Положительный ответ на первый из этих вопросов сохраняет за историей статус науки, но науки гуманитарной. Развивая положение М.М. Бахтина о необходимости строго различать понимание и научное изучение³, Л.М. Баткин отметил, что гуманитарное познание имеет два полюса: научный и гуманитарный, ни к одному из которых оно не может (и не должно) быть сведено⁴. К научному полюсу

² Естественно, имеются в виду тексты в широком смысле слова: информационные сообщения, закодированные в одном из культурных языков. В качестве текстов могут браться зещи, ритуалы, изображения, поведение и пр., если они изучаются с целью установления их значения. Именно в этом смысле Л.М. Баткин, говоря о гуманитарном познании, называет тексты «единственной феноменологической реальностью, доступной для изучения» (*Баткин Л.М. Два способа изучать историю культуры // Вопросы философии. 1986. № 12. С. 104.*

³ *Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М., 1986. С. 369.*

⁴ «Естественнонаучная точность и художественное вникание - идеализованные, логические полюса гуманитарного познания. К ним оно тяготеет, отнюдь не желая или не имея права включать их

тяготеет фактическое знание, которое постепенно вытесняет собой не-знание (то, что О.М. Медушевская и М.Ф. Румянцева называют «приращением позитивного знания»). К гуманитарному же полюсу стремится понимание; причем всякое понимание порождает новое непонимание⁵.

Фактическое знание в истории по сути своей является реконструкцией прошлого, точнее, реконструкцией каких-то его элементов, которые могут быть воссозданы на основании ретроспективной информации, сохраненной историческими источниками. По точному выражению Ю.М. Лотмана, историк, как и всякий гуманитарий, обречен иметь дело с текстами⁶. Именно тексты источников хранят информацию о

в себя, но словно бы растягиваясь ими, удерживаясь на собственной орбите их гравитационными полями» (*Баткин Л.М. Два способа изучать историю культуры. С. 108*).

⁵ «Можно бы пояснить разницу между знанием и пониманием (соответственно - значением и смыслом) еще и так. Знание всегда отделено от незнания, даже если провести черту между ними затруднительно: я не знаю это, зато уж знаю то, но я не могу сразу и знать и не знать одно и то же в одном и том же отношении; незнание есть умаление знания, знание есть отступление незнания, так вода вытесняет воздух из сосуда, так убывают и прибывают друг за счет друга знание и незнание. Знание растет - оно может быть углублено и перестроено, но не отменено, если верифицировано, - отсюда закон соответствия. А понимание не столько растет, сколько меняется (рядом возникает не столько большее или меньшее, сколько иное понимание). Вместо количества (точности, объема) - только качество и возможность его трансмутаций. И понимание никак не отделено от непонимания, ибо оно всегда есть одновременно непонимание (со стороны иного понимания - но и саморефлексивно, по мере того, как мы проникаемся глубиной чужого и, следовательно, не поддающегося нашему присвоению сознания). То есть чем больше понимания, тем его, в известном смысле, меньше (тем оно менее агрессивно, уверено в себе)» (*Там же. С. 111*).

⁶ «В отличие от дедуктивных наук, которые логически конструируют свои исходные положения, или опытных, которые способны их наблюдать, историк обречен иметь дело с текстами. Условия опытных наук позволяют, по крайней мере в первом приближении, рассматривать факт как нечто первичное,

прошлом. На основе этой информации и создаются исторические реконструкции. Впоследствии сами реконструкции гипостазированы, отождествляются с исторической реальностью, в качестве таковой и начинают изучаться на следующем этапе исторического исследования⁷. При этом мы как бы забываем, что это - реконструкции, субъективные (в большей или меньшей степени) реальности, существующие в настоящем, и начинаем изучать их уже как «объективную реальность», действительно существовавшую в прошлом.

Естественно, выводы, к которым придет историк, будут во многом зависеть от того, насколько порожденная им же самим «реальность» близка тому, что происходило в прошлом. И если построение это произвольно, изучение такого «объекта», соответственно, даст неверный результат.

исходно данное, предшествующее интерпретации. Факт наблюдается в лабораторных условиях, обладает повторностью, может быть статистически обработан. Историк обречен иметь дело с *текстами*. Между событием "как оно произошло" и историком стоит текст, и это коренным образом меняет научную ситуацию. Текст всегда кем-то и с какой-то целью создан, событие предстает в нем в зашифрованном виде. Историк предстает, прежде всего, выступить в роли дешифровщика. Факт для него не исходная точка, а результат трудных усилий. Он сам создает факты, стремясь извлечь из текста внетекстовую реальность, из рассказа о событии - событии» (*Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров: Человек-текст-семиосфера-история. М., 1996. С. 301-302). Ср.: «Текст - первичная данность (реальность) и исходная точка всякой гуманитарной дисциплины» (*Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 308); «Источник - единственная эмпирическая основа наших исторических знаний» (*Лурье Я.С.* О возможности и необходимости при исследовании летописей // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР: Институт русской литературы (Пушкинский Дом); отв. ред. Д.С. Лихачев. Т. 36. Л., 1981. С. 14), и др.

⁷ Видимо, именно это имел в виду Р.Дж. Коллингвуд, когда писал, что история - это «рисуемая историком» «воображаемая картина прошлого», которая «претендует на истинность» (*Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 234-237).

Точнее, истинность его невозможно будет определить, поскольку, по законам логики, из ложной посылки может следовать как истинный, так и ложный вывод. Во всяком случае, научное значение его будет ничтожно. Поэтому принципиальное значение имеют основания исторической реконструкции.

Качество этих оснований напрямую зависит от двух моментов: от свойств самой ретроспективной информации, почерпнутой из исторических источников, и от корректности методов ее обработки. Далее все будет определяться уже логикой построения, соблюдением правил «здравого смысла». Они, однако, не могут быть надежным критерием при оценке достоверности информации на начальном этапе работы с источником (чем часто грешат исследователи), зато соблюдение логических норм обязательно на заключительных этапах реконструкции прошлого.

* * *

Первый шаг к получению достоверной ретроспективной информации, как хорошо известно, заключается в установлении текста и в определении, является ли он собственно историческим источником: восходит ли он к свидетелям (участникам, очевидцам) самого события, которое изучает историк, и передает ли информацию об этом событии «наиболее непосредственно», т.е. не повторяет сообщение доступного нам более раннего текста общением о нем наиболее непосредственно пользованием так называемой Иоакимовской летописи.ный текст собственно ист. Очевидно, что тексты, происхождение которых сомнительно, не могут использоваться в качестве источника ретроспективной информации для научной исторической реконструкции⁸.

⁸ Как ни странно, это базовое положение источниковедения неоднократно оспаривалось и оспаривается. Ярким примером является дискуссия конца 60-х - начала 70-х годов прошлого века по поводу возможности использования в исторических построениях «избыточных сведений» В.Н. Татищева, в частности, так

При этом часто забывается, что реконструкции текстов источников не могут быть основой исторических построений. Достаточно вспомнить критику А.А. Шахматовым М.Д. Приселкова за то, что тот использовал в своих конкретно-исторических исследованиях шахматовские реконструкции Повести временных лет и предшествующих ей сводов, а не тексты реальных списков летописей⁹. И дело здесь, как совершенно справедливо отмечает В.Г. Вовина-Лебедева, не в научной скромности А.А. Шахматова (как полагал Я.С. Лурье), а в принципиально ином подходе к тексту как к источнику ретроспективной информации¹⁰.

Между тем, до сих пор издано лишь несколько «чистых» списков летописей. В подавляющем же большинстве летописи цитируются по «Полному собранию русских летописей», в котором публикуются контаминированные тексты (правда, сопровождаемые подробным археографическим и текстологическим комментариями, позволяющими - при желании - установить, из какого именно списка взято то или иное «лучшее чтение»). Мало того, историки часто цитируют Повесть временных лет по изданию в «Литературных памятниках»¹¹. Между тем, это -

называемой Иоакимовской летописи (подробнее см.: *Толочко А.П.* «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.; К., 2005).

⁹ Магистерский диспут М.Д. Приселкова в С.-Петербургском университете // Научный исторический журнал, издаваемый под редакцией проф. Н.И. Кареева. 1914. Т. 2. Вып. 1:3. № 3. С. 137; *Шахматов А.А.* Заметки к древнейшей истории русской церковной жизни // Там же. Т. 2. Вып. 2. № 3. С. 30-32.

¹⁰ *Вовина-Лебедева В.Г.* Школы исследования русских летописей: XIX-XX вв. СПб., 2011. С. 305.

¹¹ Повесть временных лет / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. Ч. 1: Текст и перевод / Подгот. текста и пер. Д.С. Лихачева и Б.А. Романова; Ч. 2: Прилож. / Ст. и коммент. Д.С. Лихачева; Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комм. Д.С. Лихачева / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996 (далее цитаты приводятся по этому изданию). Ср.: «Издание ПВЛ 1950 г. до сих пор постоянно используется в профессиональной научной литературе»

реконструкция, местами довольно произвольная¹².

Приведу лишь один пример такой конъектуры, которая существенно исказила смысл исходного текста, но широко используется историками и филологами без всяких оговорок.

После заключения договора с греками в 6415 (907) г. Олег якобы приказал изготовить для своих воинов необычные паруса: «паволочиты Руси, а словеномъ кропи-

(Свердлов М.Б. Дополнения // Повесть временных лет. С. 584). И это при том, что, как справедливо отметил А.Г. Бобров, «это издание в серии "Литературные памятники" носило не столько чисто научный, сколько просветительский характер ("издание для чтения")» (Бобров А.Г. Принципы издания древнерусских летописей // Лихачев Д.С., при участии Алексева А.А. и Боброва А.Г. Текстология: на материале русской литературы X-XVII вв. 3-е изд., перераб. и доп. СПб., 2001. С. 741).

¹² Характеризуя это издание, М.Б. Свердлов писал: «Основу подготовки текста составили исследования шахматовского направления в изучении древнерусского летописания. Научно обоснованные конъектуры позволяли приблизиться к первоначальному тексту в многочисленных случаях описок, ошибок и более позднего редактирования, накопившихся в течение многовекового бытования ПВЛ в составе летописных сводов. Эти конъектуры избавляли исследователей от необходимости повторять при цитировании нарушения первоначального текста или самостоятельно исправлять их, если только текстология ПВЛ не являлась предметом специальных разысканий» (Свердлов М.Б. Дополнения. С. 584). Между тем, сам Д.С. Лихачев подчеркивал: «Мы печатаем не "сводный текст" "по всем спискам" и не гипотетическую реконструкцию первоначального текста, а *реально дошедший до нас в Лаврентьевской летописи текст*» (Лихачев Д.С. Археографический обзор списков // Повесть временных лет. С. 359-360; курсив мой. - И.Д.). Эта декларация смогла ввести в заблуждение даже такого внимательного и скрупулезного исследователя как В.Г. Вовина-Лебедева, которая, характеризуя данное издание, отметила, что, в отличие от А.А. Шахматова и ученых его школы, стремившихся «реконструировать несохранившиеся древние памятники», «для Д.С. Лихачева главным оказалось изучение того, что реально сохранилось до наших дней от древнерусской культуры, в том числе и в первую очередь - средневековые тексты, такие, какими они дошли до нас» (Вовина-Лебедева В.Г. Школы исследования русских летописей: XIX-XX вв. С. 492).

ньныя». Как только новые паруса были подняты, их разорвал ветер. «И реша словени, - читаем мы в этом издании, - "Имемся своим толстинам, не даны суть словеном пре паволочиты"»¹³. Между тем, ни в одном реальном списке летописи такого текста нет. Везде упоминаются «пре кропиньныя». Появление же нового - «реконструированного» - текста объясняется просто: «Добавл. по смыслу». Очевидно, реальный текст источника оказался издателю непонятным - и тот его «исправил», создав сообщение, которого никогда не было. Естественно, такое «прояснение» текста источника закрывает возможность его понимания. Зато дает основания для весьма вольных интерпретаций - и новых, еще менее надежных реконструкций.

Такой подход к текстам исторических источников нашел законченное выражение в трудах Б.А. Рыбакова, посвященных «Слову о полку Игореве»¹⁵. Обычно считается, что Б.А. Рыбаков опирался на реальные тексты: «Слово о полку Игореве» и летописи XII в.¹⁶ Однако при ближайшем

13 Повесть временных лет. С. 17.

¹⁴ Там же. С. 132. Источником исправления стала догадка, что в данном случае летописец хотел показать «недовольство новгородцев, подчеркнувших свое невидное положение в войске Олега, простоту и суровость своего походного быта» (*Лихачев Д.С.* Комментарий // Повесть временных лет. С. 419). Комментарий, видимо, полагал, что летописная коприна, из которой сшили паруса словеном (в отличие от паволоки, которая пошла на паруса для «варяжской» руси), - дешевая ткань.

¹⁵ *Рыбаков Б.А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972; *Он же.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971; *Он же.* Петр Бориславич: Поиск автора «Слова о полку Игореве». М., 1991.

¹⁶ Ср.: «Гипотеза [Б.А. Рыбакова о принадлежности «Слова о полку Игореве» перу Петра Бориславича. - *И.Д.*] отличается от иных догадок об авторстве "Слова" тем неоспоримым преимуществом, что мы имеем в этом случае возможность сравнить реальные тексты - текст "Слова" с текстом летописных статей, автором которых считается Петр Бориславич...» (*Творогов О.В.* Некоторые принципиальные вопросы изучения «Слова о полку Игореве» // Русская литература. 1977. № 4. С. 98); «Б.А. Рыбаков строит свою гипотезу на фактическом материале - на возможности сопоставления реально

рассмотрении такое мнение оказывается не вполне справедливым.

Еще в 1971 г. Б.А. Рыбаков в довольно осторожной форме высказал гипотезу о том, что «Слово» сохранилось в непервоначальном виде. Развивая наблюдения А.И. Соболевского, И.А. Яковлева и др., автор «Петра Бориславича» предположил, что в привычном для современного читателя тексте отразились многочисленные перестановки отдельных его фрагментов. Там же была предложена ориентировочная реконструкция первоначальной структуры текста «Слова», причем сам памятник был дан в переводе¹⁷. В 1985 г. вниманию научной общественности оказалась предложена реконструкция, составленная уже из фрагментов самого текста. За основу ее был принят вариант разделения «Слова» на строки, выполненный самым, пожалуй, стойким и последовательным противником каких бы то ни было перестановок в тексте этого памятника, В.И. Стеллецким¹⁸. Возможность предложенных Б.А. Рыбаковым перемещений проверила Л.П. Жуковская - крупнейший специалист в области палеографии и кодикологии. Она подтвердила внутреннюю непротиворечивость реконструкции Б.А. Рыба-

существующих текстов - летописного текста, приписываемого Петру Бориславичу, и текста "Слова". Именно сравнение текстов позволяет Б.А. Рыбакову сделать ряд сопоставлений... Важно принципиальное отличие этой гипотезы от... догадок об авторе "Слова" - перед нами разноаспектное сопоставление, основанное на реально существующих текстах» (*Лихачев Д.С.*, при участии *Алексеева А.А.* и *Боброва А.Г.* Указ. соч. С. 333). Показательно, что процитированные строки принадлежат двум ведущим советским текстологам «Шахматовского» направления, что подтверждает наблюдение В.Г. Вовиной-Лебедевой о том, что последователи А.А. Шахматова вполне лояльно относились и относятся к реконструкциям текстов как к источнику ретроспективной информации (*Вовина-Лебедева В.Г.* Школы исследования русских летописей: XIX-XX вв. С. 318, 460, 476, 490-492, 744, 806 и др.)

¹⁷ Рыбаков Б.А. «Слово о полку Игореве» и его современники.

¹⁸ «Слово о полку Игореве»: Попытка восстановления первоначального композиционного строя поэмы. Реконструкция Б.А. Рыбакова // «Слово о полку Игореве» и его время. М, 1985. С. 7-24.

кова. При этом, однако, подчеркивалось, что данная гипотеза имеет право на существование только в том случае, если она будет базироваться на серии предположений. Во-первых, листы не могли быть перепутаны «в один прием». Последовательных перестановок должно было быть не менее трех. Во-вторых, перестановки осуществлялись в списках, имевших различный «объем» листа. В-третьих, один из промежуточных списков «Слова» должен был быть написан на листах бересты разного формата, либо его текст «перемежался небольшими миниатюрами, места расположения которых и занимаемая высота на листе и его обороте были неодинаковы». Наконец, в-четвертых, один из переставленных отрывков (№5, стрк. 285-295) должен был располагаться на последнем листе тетради, из-за чего на последней странице уместился текст, приблизительно на 16% меньший, чем на других страницах¹⁹.

Однако, чтобы подобные перестановки стали возможным (но не обязательными!), был необходим целый ряд принципиально невыполнимых условий: чтобы «Слово» в течении всей истории бытования существовало как отдельная рукопись; чтобы все переставляемые фрагменты были орфографически, грамматически и логически законченными и совпадали с условным делением текста на строки, предложенным В.И. Стеллецким; чтобы ни в них, ни в тех местах, откуда они извлекались и куда они перемещались, не было переносов, и т.д., и т.п.

Второй «опорной точкой» Б.А. Рыбакова были летописные тексты, приписываемые им Петру Бориславичу. И здесь речь шла не о реальных текстах, а о довольно произвольных реконструкциях, опиравшихся на фрагменты Ипатьевской летописи, тексты «Истории Российской с самых древнейших времен» В.Н. Татищева, не находящие подтверждения в дошедших до нашего времени летописях, а также на часть миниатюр Радзивилловской летописи,

¹⁹ Жуковская Л.П. О редакциях, издании 1800 г. и датировке списка «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и его время. С. 68-79.

восходящих, по мнению Б.А. Рыбакова, к оригиналам, созданным если не самим Петром Бориславичем, то под его руководством²⁰.

Естественно, было бы неразумно возражать против предположения о том, что история литературных произведений конца XII в., сохранившихся только в поздних списках, могла включать несколько последовательных редакционных переработок. Есть блестящие примеры выявления подобных этапов, сопровождающиеся текстуальными реконструкциями утраченных текстов (достаточно вспомнить шахматовские реконструкции Древнейшего и Начального летописных сводов). Однако в данном случае имелись существенные отличия. Реконструкции Б.А. Рыбакова не объясняли реальных разночтений между реальными текстами, а стали следствием расхождения между логикой источника и тем, каковой, по мнению читателя конца XX в., должна была быть эта логика. Более плодотворным и перспективным представляется иной путь разрешения подобного противоречия: не изменяя текст источника, попытаться понять его таким, каким он дошел до нашего времени. Конечно, этот путь не отвергает полностью возможности предположений о том, что исследуемый текст мог претерпевать за время своего бытования определенные изменения. И лучшей иллюстрацией выдвинутых гипотез и предположений будет при этом гипотетическая реконструкция утраченных текстов. Но она должна завершать исследование, а не предварять его.

Такое отношение к тексту исторических источников в последнее время находит все большую поддержку. В качестве примера приведу два из семи основных научных принципов издания древнерусских летописей, которые сформулировал один из наиболее авторитетных современных специалистов в этой области: «4. При издании летописных текстов недопустимо исправление текста одной

²⁰ Подробнее см.: *Данилевский И.Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII-XIV вв.): Курс лекций. М, 2001. С. 326-335.

летописи по другой, а также подведение вариантов из текста другого летописного памятника... 6. Публикация реконструкции летописного текста возможна только как результат полностью завершеного исследования, с целью закрепления и иллюстрации полученных текстологических выводов, либо может быть предпринята в популярном издании для чтения, не имеющем чисто научного характера»²¹. Полагаю, эти принципы распространяются не только на летописные источники.

* * *

Следующим условием, соблюдение которого необходимо, является общая характеристика источника. Это положение, давно уже ставшее общим местом в теории источниковедения, нуждается в более подробном рассмотрении. Дело в том, что оно по-разному понимается исследователями. Обычно «общая характеристика» сводится к установлению подлинности и достоверности источника²². Однако оба эти вопроса при ближайшем рассмотрении оказываются за рамками проблемы общей характеристики текста источника как таковой. Так, первый из них решается уже на этапе определения данного текста как источника вообще (установление времени и условий появления, автора данного текста, источников, на которые он опирается, и т.п. проблемы). Второй же, хоть и опирается на общую характеристику текста, непосредственно из нее не выводится.

Именно с этой недоопределенностью понятия «общая характеристика источника» было связано замечание А.А. Зимина, возражавшего Я.С. Лурье, который настаивал на необходимости учета общей характеристики источника при оценке отдельных известий: «В недостоверном в целом

²¹ Бобров А.Г. Указ. соч. С. 744.

²² Ср.: «При оценке показаний источника решающее значение имеет его общая характеристика - датировка памятника, определение его происхождения, состава, назначения, степени тенденциозности и осведомленности и т. д.» (Лурье Я.С. О некоторых принципах критики источников // Лурье Я.С. Избранные статьи и письма. СПб., 2011. С. 57).

источнике могут сохраниться и вполне доброкачественные известия. Для проверки степени правдоподобия конкретного известия недостаточно общей характеристики источника. Нужно учитывать целую совокупность явлений, в которую входят и разбор исторической обстановки самого события, и его характер, и наличие аналогичных событий в сходной ситуации, чтобы сделать окончательный вывод о достоверности сообщения о нем источника»²³.

Впрочем, и сам Я.С. Лурье был согласен с такой постановкой вопроса: «Едва ли можно возразить против этих положений. Разбор отдельных показаний источника, проверка их возможности, сопоставление с показаниями других памятников - важнейшие операции при анализе источника. Более того, общая характеристика памятника вообще невозможна без анализа отдельных известий, на основе внешних данных мы можем в лучшем случае судить о подлинности памятника и о времени его написания (и то не всегда), но уже для решения вопроса об осведомленности и степени пристрастия мы обязательно должны обратиться к его содержанию, т.е. к конкретным известиям. Чаше всего анализ известий и исследование памятника идут параллельно и объединяются в окончательном выводе. Но иногда выводы, полученные из этих аналитических операций, приходят в противоречие друг с другом. В этих-то спорных случаях перед исследователем и встает вопрос о соотношении отдельных этапов источниковедческой критики - о том, что именно служит основой для окончательного вывода: анализ конкретного известия или общая характеристика источника»²⁴.

Из этого, очевидно, должен следовать единственно возможный вывод: общая характеристика источника и вопрос о достоверности каждого конкретного известия не связаны напрямую. Другими словами, общая характеристика

²³ *Зимин А.А.* Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси // *Источниковедение: Теоретические и методические проблемы.* М, 1969. С. 448.

²⁴ *Лурье Я.С.* О некоторых принципах критики источников. С. 58.

источника не является его оценкой с точки зрения достоверности. Но что же в нее тогда входит?

В полной мере недоразумения в этом вопросе нашли отражение в работе А.Л. Юрганова. Из замечания Я.С. Лурье о том, что анализ известий и изучение памятника чаще всего идут параллельно, он сделал вывод, что «общая характеристика источника складывается из двух компонентов: истории памятника (его структуры, истории текста и т. д.) и наблюдений над отдельными известиями». Следовательно, «суммируя свои наблюдения, исследователь тем самым дает общую характеристику источнику». Такой вывод тем более неожидан, что несколькими страницами ранее сам А.Л. Юрганов общую характеристику отделял от проверки отдельных известий и установления тенденциозности источника, считая их составными частями «предварительного исследования источника как целостного произведения», мало того, определял ее как «необходимое начало предварительных процедур по установлению достоверности источника в целом»²⁵. Судя по всему, «сумма» истории текста источника и оценка его информации с точки зрения достоверности, по мнению А.Л. Юрганова, оказывается началом предварительных процедур по установлению себя самой, поскольку (напомним) «при оценке показаний источника решающее значение имеет его общая характеристика»...

Дифференциация понятий подлинность, достоверность и общая характеристика источника, на мой взгляд, позволит уточнить каждое из них и, вместе с тем, выяснить, как общая характеристика влияет на оценку конкретных известий источника, а их анализ, в свою очередь, - на общую характеристику источника.

Скорее всего, под общей характеристикой источника следует понимать то, что О.М. Медушевская называла «телеологическим единством» - единством цели создания источника, поскольку, по ее определению, сам источник

²⁵ Юрганов А.Л. Источниковедение культуры в контексте развития исторической науки // Россия XXI. 2003. № 3 (курсив мой. - И.Д.).

«является неким изделием с определенной, целенаправленной структурой»²⁶. Действительно, цель, с которой создавался тот или иной текст, в решающей степени определяет все основные качества его как исторического источника: полноту и достоверность заключенной в нем ретроспективной информации, ее источники и способ кодировки, структуру текста и другие характеристики - то, что принято называть информационными возможностями источника²⁷. Однако пути установления замысла произведения, его базовой идеи - задача, которая до сих пор изучена явно недостаточно.

Можно вспомнить, к примеру, споры по поводу того, для чего создавались древнерусские летописи. Ограниченность прежних гипотез по поводу идей, которые могли, по мнению летописеведов, объединять летописное повествование, вполне очевидна. Вряд ли может удовлетворить ответ на этот вопрос, данный Д.С. Лихачевым, который настаивал на том, что летописец, «механически соединяя в единой хронологической сети под одним годом разнохарактерные и разнокалиберные события, не связанные между собой единой причинно-следственной зависимостью», просто иллюстрировал «суету сует мира сего». По мнению одного из лучших знатоков древнерусской литературы, «это механическое соединение в годовой статье различных известий»²⁸ подчеркивало провиденциальную

²⁶ Медушевская О.М. Метод источниковедения и междисциплинарные аспекты // Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцев. М., 1998. С. 123.

²⁷ Подробнее см.: Данилевский И.Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004. Ср.: Лихачев Д.С. Назначение Изборника 1076 г. // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР: Институт русской литературы (Пушкинский Дом); отв. ред. Д.С. Лихачев. Л., 1990. Т. 44. С. 179-184.

²⁸ Ср.: «Собрав весь доступный ему материал, иногда многочисленный и разнообразный, иногда всего два-три произведения, летописец соединял его в погодном изложении. ...

точку зрения летописца, его особую "философию истории", связанную с его церковными представлениями». Не помогает и ссылка на «всепроникающий патриотизм содержания» Повести³⁰. Трудно вычленить патриотическую идею, скажем, в сообщениях о налете саранчи³¹ или о смерти никогда более не упоминавшейся в летописях Малфреды³².

Даже признание единства всех жизненных противоречий основой целостности летописного текста не решает, на мой взгляд, вопроса. При таком подходе «куски драгоценной смальты» представляются по большей части индифферентными («случайный набор») по отношению к тому монументальному образу, который они составляют в

Работа эта не была механической...» (Лихачев Д.С. «Повесть временных лет»: Историко-литературный очерк // Повесть временных лет. С. 293; курсив мой. - И.Д.).

29 *Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М., 1979. С. 321. Кстати, в других работах Д.С. Лихачев категорически возражает и против существования «особой "философии истории"», и против религиозности самого летописца. Мало того, именно в «непоследовательности летописца», по мнению Д.С. Лихачева, и состояла «ценность летописи, так как только благодаря ей в изложение властно вторгаются опыт, непосредственное наблюдение, элементы реализма, политическая злободневность - все то, чем так богата и благодаря чему так ценна русская летопись» (Лихачев Д.С. Великое наследие: Классические произведения Древней Руси. 2-е изд., доп. М., 1980. С. 78).*

³⁰ *Лихачев Д.С. «Повесть временных лет»: Историко-литературный очерк. С. 297. Заметим попутно, что у Д.С. Лихачева «патриотизм» древнерусского летописца XI в. оказывается гораздо ближе представлению о патриотизме историка середины 50-х гг. XX в., нежели «патриотизму» современного летописцу гипотетического «эпического певца», «певца-дружинника».*

³¹ «В лето 6602. ...В се же лето придоша пружи на Русьскую землю, месяца августа въ 26, [и] поедоша всяку траву и многа жита. И не бе сего слышано в дньех первых в земли Русьсте, яже видеста очи наши, за грехы наша» (Лаврентьевская летопись. Стб. 226); «В лето 6603. ...В се же лето придоша пружи, [месяца августа] въ 28, и покрыша землю, и бе видети страшно, идяку к полунощнымъ странамъ, ядуща траву и проса» (Там же. Стб. 229).

³² «В лето 6508. Преставися Мальфредъ» (Там же. Стб. 129).

своей совокупности. Между тем, они должны иметь общую основу, которая и позволила летописцу отобрать для своего труда именно эти, а не другие «куски», и включать их в общую композицию именно здесь, а не в другом месте. Идея, которая, по словам Д.С. Лихачева, придает цельность и стройность «всей большой летописной постройке»³³, должна так или иначе присутствовать в каждом фрагменте, из которых составлено мозаичное полотно летописи. Замысел должен воплотиться во внутренней форме текста источника (и если не каждого, - то подавляющего большинства его фрагментов), а та, в свою очередь, - в форме внешней³⁴. Поэтому семантический анализ отдельных сюжетов - необходимая стадия работы по установлению основных мотивов, присутствующих в тексте, в данном случае - в Повести временных лет. Выявление во внешне не связанных между собою эпизодах «пересекающихся» смыслов, скрытых прежде от взора исследователей, как мне представляется, должно помочь в восстановлении целостного понимания произведения.

Еще более показательными представляются попытки установить общую идею древнерусских «хожений» - описаний паломничеств в Святую землю. Так, в «Хожении» игумена Даниила традиционно видят «своего рода

³³ Лихачев Д.С. «Повесть временных лет»: Историко-литературный очерк. С. 297.

³⁴ Под внутренней формой источника имеется в виду его структура, «построение» (Каштанов С.М. Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 15). Так, внутренняя форма документальных источников «состоит из комбинаций устойчивых статей» (Каштанов С.М. Русская дипломатика М., 1988. С. 13). Под внешней же формой текста источника (а не его списка, как полагает Л.Н. Пушкирев) подразумеваются формы выражения содержания, скажем, «юридическая общность тематики: формулирование договорных условий (для актов), формулирование законодательных норм (для законов), выражение просьбы или требования (для челобитных)» и т.п. (Каштанов С.М. Русская дипломатика. С. 14; ср.: Пушкирев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. С. 107-108, 120 и др.).

путеводитель для будущих паломников»³⁵. Это вполне логично, с точки зрения современного исследователя. Однако сам Даниил прямо указывает, что целью создания Хождения было стремление удержать читателей от самостоятельного совершения паломничества, чтобы те не впади в грех гордыни, возгордившись своим поступком. Чтение же описания совершенного Даниилом путешествия приравнивалось к посещению Святой Земли. На это обратили внимание Н.В. Водовозов³⁶, В.В. Кусков³⁷, а в последнее время - Е.И. Малето³⁸, М. Гардзанити³⁹ и др. Именно поэтому Даниил так подробен в своем рассказе об увиденном.

Только верно определенная цель создания источника позволяет уяснить, могут ли его сведения использоваться для конкретно-исторической реконструкции интересующего историка события и, если да, то как. При этом, следует помнить, что цель создания (замысел) и социальные функции текста могут существенно расходиться.

* * *

В источниковедческих исследованиях и пособиях ретроспективная информация источников группируется по степени ее объективности (объективная и субъективная), форме выражения (прямая или косвенная информация), намеренности или ненамеренности сообщаемых сведений и

³⁵ Творогов О.В. Литература XI - начала XIII в. // История русской литературы X-XVII веков / Под ред. Д.С. Лихачева. М., 1980. С. 112.

³⁶ Водовозов Н.В. История древней русской литературы. 3-е изд. М., 1972. С. 58-59.

³⁷ Кусков В.В. История древнерусской литературы. 4-е изд, испр. и доп. М., 1982. С. 81.

³⁸ Малето Е.И. Антология хождений русских путешественников, XII-XV века: Исслед., тексты, коммент. / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М., 2005. С. 26-27.

³⁹ Гардзанити М. У истоков паломнической литературы Древней Руси: «Хожение» игумена Даниила в Святую Землю // «Хожение» игумена Даниила в Святую Землю в начале XII в. / Отв. ред. Г.М. Прохоров. СПб., 2007. С. 271-277.

т.п. основаниям. При этом, однако, как правило, упускается еще один очень важный критерий.

Всю информацию любого письменного источника можно разделить на верифицируемую (проверяемую по независимым друг от друга источникам), уникальную и, наконец, повторяющуюся (прямые или косвенные цитаты, «общие места», топосы и т.п.). Между тем, такое деление является принципиально важным, если речь идет о научной исторической реконструкции. Каждый из этих видов информации должен занимать свое, строго определенное место в создаваемом образе прошлого.

Надежным фундаментом научных исторических реконструкций могут быть только верифицируемые сведения. Именно на них должна выстраиваться достоверная картина прошлого. Если же историк, ссылаясь на скудость исторических источников, начинает руководствоваться в своих построениях «благоговением и любовью к предмету изображения» - или, если данный персонаж ему несимпатичен, противоположными чувствами - и «чутьем сердца» попытается «угадать то, на что не дают ответа соображения рассудка»⁴⁰, результат его работы, если и будет представлять какой-нибудь интерес, то только как литературное произведение. Научного значения такие конструкции иметь не могут. Собственно, верифицируемая информация является залогом научности исторического построения.

Уникальные сведения также могут включаться в научные реконструкции прошлого - в качестве вспомогательных элементов. Однако их использованию должна предшествовать самая серьезная проверка с точки зрения того, могло ли такое иметь место вообще в то время и в том месте. Такие сведения следует подвергать жесткой негативной критике (тому, что К. Поппер называет фальсификацией). И только если они прошли все испытания на вероятность, их можно использовать в научной исторической

⁴⁰ *Хитров М.* Предисловие // Великий князь Александр Невский. СПб., 1992. С. 10.

реконструкции - со ссылкой на сохранивший их источник и обязательной оговоркой, что так могло быть, но достоверность данного сообщения не может быть доказана. Практика, однако, показывает, что именно уникальные сведения, в силу их «красочности», «жизненности» и «вероятности», часто становятся основой историографического нарратива, что неизбежно ведет к снижению «градуса» научности подобных реконструкций.

Наконец, повторяющаяся информация (цитаты), если ее удалось выявить, как правило, исключается из рассмотрения. В этом есть своя логика: это ретроспективная информация о других событиях, других лицах и другом времени. Так, обнаружив безусловные текстуальные параллели в летописном рассказе об ордынском нашествии с «Поучением о казнях Божиих», читаемых в Повести временных лет, один из самых авторитетных современных российских историков В.А. Кучкин отмечает, что эти параллели «представляют значительный интерес для суждений об источниках новгородского свода 30-х годов XIV в. или его протографов, но не для суждений о том, как понимал и оценивал иноземное иго новгородский летописец... Детальный анализ цитаты вскрывает уже не мысли людей XIII-XIV вв., а идеи XI столетия»⁴¹. Если бы речь шла о попытке восстановить конкретные детали описываемого летописцем события («как оно происходило на самом деле»), В.А. Кучкин, несомненно, оказывался прав. Однако автор летописного рассказа об ордынском нашествии явно не случайно вспомнил цитату из «Поучения». То, что он использовал «идеи XI столетия» для описания, а, главное, для характеристики произошедшего в XIII в., несомненно, свидетельствует о схожести - для автора и читателей анализируемого текста - самих событий и их оценок.

Появление подобных прямых или косвенных

⁴¹ Кучкин В.А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников: XIII - первая треть XIV в. // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн: X - начало XX в.: Сб. научн. трудов. М., 1990. Вып. 1. С. 24, 61 (прим. 49).

заимствований чаще всего свидетельствует о том, что «чужие» мысли, идеи и образы оказываются близки данному автору. С их помощью он дает оценки и характеристики описываемым событиям и лицам. Это - своеобразный «ключ» к пониманию текста, с помощью которого открываются (или приоткрываются) многие загадки, связанные с тем, что можно назвать логикой если не самих участников описываемого события, то автора, оставившего данное описание. Заодно это - и основа, и проверочный материал общей характеристики источника⁴².

Основания для такого разделения ретроспективной информации дает текстологический анализ. Именно с его помощью сначала изучается история текста (соответственно, определяется, является ли он в данном конкретном случае историческим источником) и выделяются прямые и косвенные цитаты («общие места», топосы), затем - совпадения в сведениях, сообщаемых независимыми источниками, что позволяет разделить верифицируемые и уникальные сообщения.

Произвольное использование этих видов недопустимо, поскольку неизбежно ведет к появлению конструкций, которые вводят в заблуждение, и вместо того, чтобы познавать прошлое, историки начинают анализировать собственные фантазии. Если на все наши догадки, домыслы и предположения не надеть смирительную рубашку достаточно жестких ограничений, мы убьем историю как науку, превратив ее (как делают многие непрофессионалы) просто в занимательное чтение. Такая подмена научных исторических сочинений историкоподобными опусами чревата самыми тяжелыми последствиями для общества, поскольку именно в истории сплошь и рядом политики черпают те образы и символы, с помощью которых пытаются манипулировать общественным мнением. И манипуляции эти (которые обычно называют более приличным словом пропаганда) оказываются зачастую весьма успешными. Одна из причин этого - внедрение в массовое сознание мифи-

⁴² Подробнее см.: *Данилевский И.Н. Повесть временных лет.*

ческой истории, основанной не на источниках, а на буйной фантазии ее авторов. Фантазия же эта чаще всего базируется на невежестве и недоразумении, иногда - на неосознанном желании создать для себя «хорошую», комфортную историю, которой можно было бы гордиться, «прошлое, от которого мы желали бы происходить, в противоположность тому прошлому, от которого мы действительно приходим»⁴³ (чаще всего такое требование к истории предъявляют люди, страдающие тем или иным комплексом социальной неполноценности), а иногда - на злом умысле.

⁴³ Ницше Ф. Несвоевременные размышления: О пользе и вреде истории для жизни // Сочинения в 2-х томах. М., 1996. Т. 1. С. 177.

СОДЕРЖАНИЕ

Данилевский И.Н.

Исторические реконструкции: методологические
ограничения 3

Луцицкая С.И.

«Жизнь Магомета» Эмбрико Майнцкого:
легенда и история 25

Габдрахманов П.Ш.

Родословные алтарных трибутариев
аббатства св.Петра в Генде *между* текстами
грамот и регистра 71

Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.

«Как князь Роман жену потерял...»: Родство и
власть в истории насильственного
пострижения Рюрика Ростиславича и его семьи 112

Рудаков В.Н.

Ордынское иго: термин, восприятие, реальность 121

Крылова Ю.П.

«Нынче всякий упражняется в злословии».
Французские придворные поучения XV в.
и историческая реконструкция 145

Бойцов М.А.

Каким московские послы увидели двор
Максимилиана I в 1517 г., да и увидели ли
они его? 162

Кошелева О.Е.

Устрашение детей розгами в русских текстах
XVII в.: литературная традиция или реальность? 199